

Четыре письма Анн. С. Бухаревой

В духовной — религиозной и умственной — истории России не только *богословская система* архимандрита Феодора Бухарева, но и его *личность* и *биография* имеют большое значение. Как выразился о нём священник А. П. Устьянский (см. письмо его, напечатанное в моей книге: «В мире неясного и не решённого», статья «Брак и христианство») он «выходом из монашества и вступлением в брак снял монополию спасения у монашества». Навсегда, поэтому, останется интересным вопрос именно об этом центральном и принципиальном поступке его жизни, и вместе страдальческого, гонимого жития. Ибо именно за семью он был гоним, разом лишившись положения, содержания, должности и даже учёной степени доктора богословия!! Был ли это в жизни его случай, увлечение, минута? или было тут сознание, а, наконец, и убеждение? Было ли Божие благословение над ним и семьёю его? Вот отчего личность его супруги, Анны Сергеевны Бухаревой, имеет значение; и сохраняют ценность звуки её голоса, в котором, как у писателей в их стиле, всегда слышится душа. В 1902 и 1904 гг. она обменялась со мною несколькими письмами, и я позволю себе привести отрывки из них. Замечу, что о. архимандрит Феодор после снятия монашества принял имя «Александра», и в письмах везде именуется супругою «А. М.» или «Александр Матвеев».

с. 39

с. 40

I.

Многоуважаемый В. В.

Тысячам читателей поведали вы о трагической судьбе моего покойного мужа, и его образ окружили таким сиянием, как образ человека с чистой и пламенной верой, — но за такую веру и пострадавшего. Глубоко признательна и за оценку профессора Знаменского, который так много положил бескорыстного труда на то, чтобы восстановить правду по отношению к человеку, умершему слишком 30 лет назад; ведь изучал он его систему, собирал матерьялы, и так много потрудился над этим. Один почтенный старец писал мне по поводу профессора Знаменского: «Слава Богу, правда не иссякла ещё на Руси».

Анна Бухарева. 16 декабря 1902 года.
Переславль-Залесский.

II.

Многоуважаемый В. В.

Пришло ваше письмо, такое любезное и такое сочувственное.

Постараюсь ответить на сделанные вами мне вопросы. Боюсь, моё письмо не было бы слишком длинным, но хочется мне ответить вам на всё подробно и обстоятельно.

с. 41

Вы спрашиваете, есть ли у меня какие-нибудь записки о моём муже, Александре Матвеевиче? — Форменных, так сказать, воспоминаний нет у меня. Но в моих письмах к одному очень близкому человеку, священнику Лаврскому, есть, кажется, все матерьялы для воспоминаний, какие только могла я дать от себя. О. Валерьян Викторович Лаврский, — соборный протоиерей в Самаре в настоящее время — был любимейшим учеником Александра Матвеевича, по Казанской академии, и дружба с ним продолжалась у мужа до самой смерти. А после его смерти отец Лаврский, кажется, каждые две недели писал мне из Варшавы, где был за-

*Розанов, В. Четыре письма Анн. С. Бухаревой / В. Розанов // Розанов, В. Около церковных стен / В. Розанов. — СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. — Т. 2. — С. 39–47.

каноучителем при гимназии. Письма его, большие и очень содержательные, были тогда моим единственным утешением, — так что и я писала ему много и, конечно, мои письма были полны воспоминаниями. После того я уже не думала писать воспоминаний — знала, что рассказала всё, что только могла рассказать, и знала, что о. Лаврский сохранит это, как матерьял для воспоминаний или биографии моего мужа. Но несколько лет назад о. Лаврский, под влиянием особенно удручённого состояния духа, с предчувствиями близкой смерти — перепроводил профессору Знаменскому мои письма, вместе с имеющимися у него рукописями Ал. М-ча, тоже им полученными от меня. Это было после того, как Знаменский написал «Печальное 25-летие». — Кажется, и теперь это всё находится у Зн-го. Три года назад были у меня ещё записки, которые знает и о. Александр Устьянский.¹ Они написаны были по поводу письма Знаменского к г-же Лебедевой, дочери протоиерея Лебедева. Он ей писал, что по отношению к Александру Матвеевичу занимают его следующие вопросы: 1) Кто обманул его монашеством; 2) процесс его психического развития; 3) когда слагалось его мирозозерцание и, наконец, 4) обстоятельства его детства. Предположив, что он хочет опять писать об Ал. М-че, я взялась, как могла, ответить на эти вопросы, и при этом ещё постаралась изложить одну из основных идей Ал. М-ча — с помощью цитат, взятых буквально из его книги «О Православии в отношении современности». Последне сделала я имея в виду г. Лебедеву, которая, казалось мне, тогда ещё недостаточно понимала его. — Посылала я эти записки о. Александру Устьянскому. Он был рад и по своему горячему сочувствию к о. Александру Матвеевичу и ко мне, расхвалил и даже настоятельно советовал отпечатать их где-нибудь.

Но вот я недавно их перечитывала и мне очень не понравилось, а для печати и совсем не годится; может только разве служить некоторым материалом, но никак не в том виде, как это написано. Целые длинные годы ни с кем, кроме книг, не приходилось мне беседовать по душе, а потому и стиль у меня получился словно деланный, совсем не живая речь, — писала я спешно, лихорадочно, в приподнятом настроении, — и от давно скопившихся чувств — невысказанных — самый тон какой-то постоянно приподнятый. А при отсутствии таланта, или даже простого умения, всякий пафос, хотя бы самый искренний, отзывает риторикой, — что, конечно, расхолаживает впечатление.² Я это чувствовала и тогда, как писала, но ничего не могла с собой сделать: когда хотела писать проще, выходило у меня что-то до крайности бессвязное и тупое... Потому совсем это не годится для печати (не говоря уже о том, что нет никакого плана), если б даже и представилась возможность напечатать. Так как вы интересуетесь моим мужем, то я попрошу о. Устьянского переслать вам мои записки для прочтения, — они у него есть. Надо впрочем сказать, что таким запискам даётся ведь мало и веры; обыкновенно в таких случаях говорится: «жена ведь писала»... Другое совсем дело воспоминания человека постороннего. А есть такие воспоминания и хотела бы я, чтобы вы и о. Устьянский их прочитали. Это — воспоминания всё того же о. Лаврского. Он их писал в год смерти моего мужа, но они у него остались на руках, так как некуда их было поместить. Тут же приводятся письма одного студента академии к своим родным, то есть выдержки из его писем, посвящённые о. Феодору. Студент этот был сам В. В. Лаврский и его письма полны о. Феодором. Особенно дорого это тем, что писалось под непосредственным впечатлением.

О. Лаврский человек очень даровитый. Вам, может быть, что-нибудь известно об А. В. Потаниной, жене известного путешественника. После её смерти (в 90-х годах) о ней много писали в газетах и журналах. Так вот это её брат. Он был другом, и товарищем по семинарии, Добролюбова. Когда-то я читала в «Современнике» дневник последнего, где упоминает он о В. В. Лаврском, как о человеке с умом блестящим, но крайне скептическим, так что он, Добролюбов, по временам принуждён бывал от него отдаляться, чтобы сохранить целными свои верования. Но вот такого скептицизма и признака нет в его письмах к родным, — так восторженны его отзывы об о. Феодоре. — В 1871 году он присылал мне свои воспоминания, а два года назад я их видела в руках у Е. А. Лебедевой, — побывавшей в Самаре, и вновь их перечитывала. Чрезвычайно хорошо. К несчастью, судя по его редким письмам, опять он в удручённом состоянии духа, к тому же болен; но спрошу его, что он хочет делать с своими воспоминаниями. Да, впрочем, я уже написала ему.

¹Соборный протоиерей в Старой Руссе, теперь настоятель церкви в Новгородском Десятинном женском монастыре. В. Розанов.

²Какая тонкая и верная оценка, — в пору самому зрелому писателю. С тем вместе «приподнятый патетический тон» вдовы слишком говорит о том, что она нашла в муже своём духовного героя, которому служила с чисто женской самоотверженностью. В. Розанов.

Вы ещё спрашиваете меня, — трудно ли мне было.³ Но мне кажется, что ко всякому подвигу любви, — любви настоящей, вполне приложимы слова Спасителя: «Иго бо Моё благо и бремя Моё легко есть». Я могу с полной искренностью сказать, что все трудности проходили как бы мимо меня. С родными, конечно, была борьба жестокая, особенно с отцом — матери не было в живых.

У меня было небольшое именье, лично мне принадлежавшее, но, по желанию Ал. М-ча, я отказалась от него, выходя за него замуж. И за всё время моей жизни с Ал. М-чем я не получила ни гроша от отца.

Своих родных у меня нет теперь; есть, правда, двоюродные, но я с ними не вижусь. Но с родными мужа у меня отношения самые лучшие. В прошлом году летом я гостила в селе у одного священника, женатого на родной племяннице Ал. М-ча, и отлично чувствовала себя в этой родственной семье. — Матерьяльные мои обстоятельства не блестящие, но нужды нет у меня никакой.

Что касается портрета моего мужа, то были у него карточки, когда был ещё монахом. Есть одна такая и у меня, но на мой взгляд не особенно похожа. У него было одно из тех нервных лиц, которые мало удавались в фотографии, особенно в прежнее время, когда так долго надо было позировать. Но есть у меня карточка более похожая, хотя снята была она уже с мёртвого. Я закажу по ней другие, а когда будут готовы, непременно перешлю одну вам, а другую о. Устьинскому. А что вы говорите о нём, об о. Александре Устьинском, — это совершенно верно. Одно воспоминание о нём наполняет мне душу умилением и горячей к нему признательностью.

В заключение хочется мне вам передать одно воспоминание, так сказать, характерное, которое пробудили у меня ваши слова о детях.

Был у нас ребёнок, девочка; умерла она 11 месяцев. Александр Матвеевич, предчувствуя, что сам недолго наживёт, говорил нередко со мной о том, как я должна её воспитывать. Он говорил мне: «Вот ты любишь книги, склад характера у тебя мечтательный, а она, возможно, будет не такая, со складом более практическим, или будет любить веселье, удовольствия, танцы. Так ты смотри: не ломай её. Научи её любить Бога, людей, *но не ломай, ради Бога не ломай.* (Подчёркнутые слова я буквально запомнила.) Давай свободно развиваться тому, что заложено в её природе». Но вот не суждено мне было воспитывать свою дочку. А. Бухарева. 29 декабря 1902 г.

III.

Многоуважаемый В. В.

Буду с вами говорить с полной искренностью, чем могу только доказать своё к вам доверие и уважение. Я вас искренно благодарила, когда появилась первая половина вашей статьи от 12 Декабря, — благодарила искренно и за продолжение её... Но, конечно, вы сами знаете, многоуважаемый В. В., что концом её я не могла быть довольной. Однако, удовольствие от первой половины пересилило неудовольствие от второй, и я всё-таки поблагодарила вас от чистого сердца. Хотела я вам возразить в своём письме к вам, но не была в силах этого сделать, больше... чувствовала, как надо бы возразить, а мыслей своих не могла привести в ясность. Теперь слышу, что некоторые почитатели моего мужа хотят возражать вам; думаю, что возражение будет дельное, судя по одному человеку, который хочет писать — и думаю, что вы ничего против этого не будете иметь, так как это может только послужить к выяснению дела и поддержанию интереса к личности Александра Матвеевича и к делу его мысли.

Знаете ли? В тех записках, что посылала я о. Устьинскому, видели по местам неправославный образ мыслей, — тогда как почти буквально составлены они из цитат, выписанных из сочинений Ал. М-ча. Но это меня не трогает, так как дело тут в единичных случаях, а я твёрдо знаю, что ни на йоту не исказила учение моего мужа.

С истинным уважением А. Бухарева. 20 Января 1903 г.

³То есть я спрашивал: трудно ли ей было, дворянке, помещице, институтке — соединить судьбу свою с человеком великой души, но который разом и злобно был извергнут из своего сословия, сана и даже лишён учёной степени?! Ведь это было похоже на «изуродованного» Абеяра, похоже и на обесчещенного Дрейфуса! А женщины — все злословят их — тщеславны, и не выносят «петуха без оперенья». В. Розанов.

с. 44

с. 45

IV.

Многоуважаемый В. В.

с. 46

С большим удовольствием я прочитала в июньской книжке «Нового пути» добрый ваш отзыв о статьях О. Светлова — в связи с признанием заслуг В. Соловьёва перед богословской наукой. Нельзя не согласиться с тем, что *Богословский Вестник* — лучший из наших духовных журналов. Мне говорили, что если б не *Богословский Вестник*, то статьи О. Светлова так и не увидели бы света: в других духовных журналах их не хотели принимать. Правда, есть здесь статьи, не отвечающие общему свежему направлению, — которое, говорят, зависит много от людей, стоящих во главе редакции — но это, пожалуй, и неизбежно в журнале академическом, где каждый профессор имеет право на помещение своей статьи. Вот, кстати, я хочу рассказать вам, как я была возмущена статьёй проф. Тареева «О нравственном значении Христа воскресения» (*Богословский Вестник* за прошлый год), где он с решительностью восстаёт против верования в Воскресение Христа во плоти. Статья написана в тоне, не допускающем возражений. Главным образом меня возмутил его спиритуализм, которым хочет он затемнить широкие горизонты, имеющие открываться с развитием учения о Боговоплощении. Против него выступил было в Мис. Обоз. прот. Лаврский, но Тареев ответил ему сердитой отповедью, где говорит о невозможности для учёного богослова сказать своё новое слово, без того, чтобы ретроградная критика не накинулась на него. Но спиритуализм в богословской литературе у нас несколько не новость, и не даром же сам он ссылается на богословие Макария. Хотя олимпийство Тареева и производит несколько комичное впечатление, но всё-таки я не могу относиться равнодушно к его статьям по важности вопросов, которых он в них касается. А как потускнел бы Светлый наш Праздник, если бы православное наше представление о воскресении Христа отвечало спиритуалистическому представлению Тареева, — не чувствовал бы народ этого праздника так, как чувствует его теперь, не чувствовал бы так и пасхальной утрени, когда на возглас священника: «Христос воскрес», как из одной груди — вырывается радостное: «во истину воскрес». Я только на днях прочитала отповедь Тареева о. Лаврскому и мне живо теперь вспоминается та первая его статья, послужившая поводом к полемике, — так что, начав писать вам и зная, с каким вниманием вы относитесь к вопросам веры, я не могла утерпеть, чтобы не говорить о том, что меня в эту минуту занимает и возмущает...⁴

Душевно вам преданная А. Бухарева. 16 мая 1904 г.

⁴Проф. Тареев — одно из светил нашей богословской или, точнее, религиозно-философской литературы. Он не «спиритуалист» по трафарету, и если сделал ссылки на Макария, то лишь чтобы защитить себя от обвинения в «худоумии» (монашеский термин): на самом деле он в *себе* самом всегда имеет фундаменты большие, чем какие мог бы почерпнуть из всевозможных ссылок и цитат. Но в данном пункте старушка-вдова покойного Бухарева, мне думается, права: а что она так поняла житейскую важность философского тезиса проф. Тареева — показывает, до чего она вдумалась, а не вчиталась только в систему своего мужа, и как система эта, и мужа её, архимандрита Феодора, и её самой (по усвоению) сплелась с личностью и жизнью их обоих. *Спиритуалист* Тареев говорит, что в *воскресении* Христа было только воскресение его души, а *телесного* воскресения не было вовсе. Между тем, ведь душа, даже наша, и при смерти, при убийстве нашего тела, не умирает. Душа *не воскресает*, потому что она *не умирает*. *Воскресение* есть именно факт тела; всегда было предметом сомнения или спора возможность *для него* воскреснуть. Христос «победил смерть» — именно телесную, по законам природы, физики и химии; и через то дал надежду и нам всем воскреснуть *физически*. Это со стороны факта. Но Анна Сергеевна возмущается самую его тенденцию: зачем профессору это учение? Он *возвышает дух на счёт тела*, то есть путём его уничижения (монашеская тенденция): и она, сливая личный свой подвиг и правду своего мужа (разрыв с монашеством), восстаёт за *права* тела жить вечно с духом, за возможность *для него* воскреснуть просветлённым, за озарение *тела* новым светом, павшим на него из воскресения Христа. Тут — точка поворота мирозерцания, точка *отворота* его от неистовств аскетизма и гордыни его, откуда уже начинается великое признание мира, природы, радостей земных, и усиленно — признание рождения, семьи, брака. «Всё это — правда, великая, святая, не меньшая, чем содержащаяся в лукавом, гордом, самонадеянном спиритуализме». От себя добавлю, что женщина и мать и *не может* говорить иначе, «яко та есть мать жизни» (в Бытии — о Еве). — В. Розанов.